

В. В. Григорьев

**Жизнь и труды П. С.
Савельева**

**Преимущественно по
воспоминаниям и переписке с
НИМ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. В. Григорьев**
Жизнь и труды П. С. Савельева: Преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним / В. В. Григорьев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 314 с.

ISBN 978-5-4241-4329-8

ISBN 978-5-4241-4329-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ собраніи Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества, происходившемъ 29 мая 1859 года въ память П. С. Савельева, положено было обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ составить подробную, по возможности, біографію покойнаго, такъ какъ я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ съ нимъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и занимаюсь тою же отраслью науки, по которой трудился и онъ. Этому вызова Общества, благородной дѣятельности котораго я вполне сочувствую, было бы совершенно достаточно, чтобы побудить меня заняться составленіемъ біографіи покойнаго П. С., если бы даже обязанность подобнаго труда не лежала уже на мнѣ въ слѣдствіе товарищества съ нимъ по университету, общности занятій въ теченіи двадцати пяти лѣтъ и всего болѣе той горячей, исключительной пріязни, которую питалъ онъ ко мнѣ постоянно, и которая составляла въ послѣднее время, все мое утѣшеніе. И я принялся за изложеніе воспоминаній моихъ о П. С. и за

извлеченія изъ писемъ его, у меня хранящихся, лишь только очнулся нѣсколько отъ первой горести объ утратѣ его; но это занятіе, при которомъ образъ милого мнѣ человѣка долженъ былъ возникать постоянно въ моемъ воображеніи, сжимая сердце горемъ, разстроило нервы мои до того, что я заболѣлъ, и не могъ докончить прошлую осенью начатаго труда. Кромѣ того я увидѣлъ, что почитатели памяти покойнаго, для которыхъ этотъ трудъ и назначается, не могли довольствоваться одними тѣми фактами изъ его жизни, которые представляютъ память моя и письма его ко мнѣ; а у меня не было подъ рукою даже формуляра о службѣ П. С., и никакой библіотеки, гдѣ бы я могъ навести справки о его 30-лѣтнемъ участіи въ отечественныхъ журналахъ. Чтобы собрать о жизни и ученой дѣятельности покойнаго все доступное для меня, я воспользовался первою возможностью съѣздить въ Петербургъ, и въ теченіе полуторамѣсячнаго пребыванія тамъ нынѣшнею весною навелъ, сколько могъ, нужныя мнѣ справки; но по возвращеніи въ Оренбургъ, не могъ, по разнымъ обстоятельствомъ, приняться снова за дѣло ранѣе августа мѣсяца. Это — въ объясненіе замедлившагося появленія настоящаго, сладкаго и скорбнаго мнѣ, труда. Что касается до содержанія его, то и самая поѣздка въ Петербургъ съ изложенною цѣлю не дала мнѣ возможности представить Обществу такого біографическаго очерка, какимъ бы по всей справедливости слѣдовало почтить память Савельева,

какъ замѣчательнаго труженика для науки, и какъ рѣдкій образецъ прямого и честнаго характера: многія и, можетъ быть, интереснѣйшія и важнѣйшія обстоятельства его жизни остаются неизвѣстными ни мнѣ, ни другимъ, пользовавшимся его пріязнью, по несообщительности покойнаго относительно всего лично до него касавшагося. Уважая въ немъ эту черту, я часто, при самыхъ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, долженъ былъ воздерживаться отъ вопросовъ объ его семейныхъ или сердечныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, объ отношеніяхъ человѣка, сошедшаго въ могилу, къ людямъ еще живущимъ, а тѣмъ болѣе о взглядѣ его на событія и образѣ мыслей вообще, нельзя говорить съ полною откровенностію пока люди эти и событія не перейдутъ, первые въ достояніе земли, послѣднія — въ достояніе исторіи. Потому, многое изъ писемъ Савельева ко мнѣ, что бы рисовало его рельефно какъ человѣка и гражданина, долженъ я былъ исключить для печати. Иные найдутъ напротивъ, что я еще мало исключилъ, что сообщаю подробности нисколько не интересныя для публики. Но не для «публики» я и писалъ: я имѣлъ въ виду исключительно, немалый впрочемъ, кругъ читателей изъ людей, болѣе или менѣе знавшихъ, уважавшихъ и любившихъ покойнаго; а эти не посѣтуютъ на меня, я увѣренъ, ни за длинныя выписки изъ его писемъ, ни за какія либо объ немъ подробности, — особенно, если живутъ уже

di memoria assai piu che di speranza.

Во всякомъ случаѣ, трудъ мой не есть біографія, а матеріалъ для біографіи, и да приметъ отъ меня тѣнь покойнаго, который самъ съ такою любовью заботился о сохраненіи памяти ученыхъ тружениковъ, трудъ этотъ въ замѣнъ горсти праху, которой не могъ я, по древнему обычаю, кинуть вмѣстѣ съ другими его любившими, на бранные остатки отшедшаго въ вѣчность друга.

I.

Павелъ Степановичъ Савельевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, тоже покойнымъ уже, Александромъ Степановичемъ, представляютъ едва ли не единственный доселѣ въ Россіи примѣръ ученыхъ по званію и по призванію, вышедшихъ изъ достаточнаго купеческаго семейства. Правда, было и есть у насъ нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ науки изъ купеческаго и, еще болѣе, изъ мѣщанскаго сословія; но все это—сыновья торговцевъ, или бѣдныхъ, или малосостоятельныхъ, съ малолѣтства знавшіе что такое трудъ и нужда, не подвергавшіеся соблазнамъ упорочнаго и вмѣстѣ празднаго существованія. Необыкновенность случая съ П. и А. Савельевыми объясняется впрочемъ характеромъ ихъ отца и обстановкою домашняго его быта, не совѣмъ схожею съ тѣмъ, что встрѣчается обыкновенно въ Русскихъ купеческихъ семьяхъ. Дѣдъ Савельевыхъ, Сергѣй Ивановичъ,

происхожденіемъ Рязанецъ, изъ извѣстнаго села Дѣдова, принадлежавшаго знаменитому Измайлову, могъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ Петербургскихъ торговцевъ своего времени; наживъ хорошее состояніе не смотря на отсутствіе образованія, онъ понималъ однако же его пользу, и старшаго сына своего, Степана, отдалъ воспитываться въ С. Петербургское коммерческое училище. Воспитаніе здѣсь полученное не развило въ С. С. Савельевѣ расположенія къ коммерціи, котораго не имѣлъ онъ отъ природы, но, въ замѣтъ, — благодаря направленію, которое давалось директоромъ заведенія, В. С. Подшиваловымъ, — снабдило его знаніемъ языковъ и пристрастило къ чтенію. Удовлетворяя этому влеченію, недѣятельный по характеру, и наслѣдовавъ послѣ отца значительное имущество, С. С. почти вовсе оставилъ торговлю, и все время проводилъ за книгами, журналами и газетами, а когда стали подростать у него сыновья, самъ принялся учить ихъ Русской грамотѣ, ариметикѣ и языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Сыновья, имѣя передъ глазами постоянно читающаго отца, съ дѣтства видя около себя книги и книги, также полюбили ихъ въ свою очередь, и привыкли считать чтеніе не работою и не развлеченіемъ, а необходимою потребностію: результатомъ и явилось, что въ послѣдствіи наука сдѣлалась для обоихъ братьевъ насущною пищею.

Старшій изъ дѣтей своего отца, Павелъ Степановичъ родился въ С.-Петербургѣ, 23 іюня 1814 года, и, какъ сказано, первоначально обучался дома. Въ дѣтствѣ обнаруживались въ немъ расположенія совершенно противоположныя тѣмъ, какія развились позже. Въ моло-

дости и зрѣломъ возрастѣ онъ весьма не жаловалъ военнаго ремесла, любимыя же ребяческія его игры были воинственны. Съ товарищемъ дѣтства своего, А. А. Красильниковымъ, онъ то и дѣло, что дрался на деревянныхъ сабляхъ собственнаго издѣлія, да стрѣлялъ изъ маленькой мѣдной пушки въ ряды ими же самими вырѣзанныхъ и раскрашенныхъ бумажныхъ солдатиковъ. Запретные снаряды для этого, порохъ и дробь, добывалъ, не извѣстно какимъ образомъ, всегда Савельевъ. Такимъ же образомъ, возмужавъ, П. С. не чувствовалъ большаго влеченія къ стихотворнымъ произведеніямъ, тогда какъ въ отроческіе годы стихи, особенно патріотическіе, были его страстью: въ этомъ возрастѣ нерѣдко цѣлые часы онъ и Красильниковъ проводили въ томъ, что читали другъ другу на распѣвъ оды Державина, «Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ» Жуковскаго, «Думы» Рылѣва, и т. п. — Когда минуло мальчику около десяти лѣтъ, отецъ отдалъ его, для дальнѣйшаго образованія, въ пансіонъ иностранца Рэмона, поступившій потомъ въ завѣдываніе другаго Француза, Ревеля. Это заведеніе считалось въ свое время однимъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ, и пользовалось заслуженно своею извѣстностію. П. С. пробылъ здѣсь пять лѣтъ (съ марта 1824 по іюль 1829), отличаясь способностями и любовью къ ученю, но еще болѣе — неукротимою шаловливостію. Сорванца хуже его, который бы болѣе приводилъ въ отчаяніе содержателя и гувернеровъ, не было въ заведеніи; дня почти не проходило безъ проказъ съ его стороны, во всѣхъ школьничествахъ оказывался онъ зачинщикомъ, и всѣ взысканія за то, выговоры, оставленіе безъ обѣда, не-

пусканье домой и т. п., не помогали нисколько. Все, чему обучали въ пансіонѣ, усвоивалъ онъ безъ труда и охотно, но особеннымъ предпочтеніемъ какъ у него, такъ и у прочихъ воспитанниковъ заведенія, пользовались уроки Русской словесности и другихъ предметовъ, которые преподавались А. П. Максимовичемъ, ради либеральнаго направленія его преподаванія, всегда и вездѣ лестнаго для самолюбія школьниковъ. Благодаря вліянію Максимовича, развилось, быть можетъ, въ Савельевѣ и его раннее расположеніе къ литературной дѣятельности: еще въ продолженіе пребыванія въ пансіонѣ выразилось оно тѣмъ, что онъ затѣялъ издавать журналъ для своихъ пріятелей. Журналъ наполнялся преимущественно, если не исключительно, переводными статьями самого издателя, который имѣлъ терпѣніе переписывать *gratis* для каждаго изъ своихъ подписчиковъ всѣ вышедшіе нумера. Впрочемъ, подписчиковъ было всего двое — любимѣйшіе товарищи Савельева: Красильниковъ и Л. В. Краснопѣвковъ, да и журнала то далѣе третьяго нумера, кажется, не выходило.

Видя способности мальчика, отецъ П. С. рѣшилъ, что для окончательнаго образованія онъ долженъ пройти черезъ университетъ. Съ этою цѣлію взять онъ былъ изъ пансіона и полтора года приготавлился къ университету дома, пользуясь, между прочимъ, уроками В. Т. Плаксина и М. Г. Волкова, которые оба полюбили умнаго ученика, и немало содѣйствовали опредѣленію его будущности, первый — усиливъ и ободривъ, сочувствіемъ своимъ и примѣромъ, зародившееся уже въ П. С. расположеніе къ литературнымъ работамъ, послѣдній, у котораго П. С. учился

Латинскому и Греческому языкамъ—тѣмъ, что самъ будучи ориенталистомъ, поддержалъ въ немъ и укрѣпилъ смутное дотолѣ желаніе заниматься восточными языками. Основаніемъ этому желанію послужила Турецкая грамматика на Русскомъ языкѣ, изданная въ 1776 году, и случайнымъ образомъ попавшая въ руки П. С., еще въ ребяческомъ его возрастѣ. Выговоръ Турецкихъ словъ переданъ былъ въ этомъ учебникѣ Русскими буквами; мальчику понравилась возможность затверживать такимъ образомъ слова языка, на которомъ онъ не могъ читать; нѣсколько времени занимался онъ этимъ весьма серьезно и, какъ рассказывалъ мнѣ А. А. Красильниковъ, даже ему предлагалъ учиться вмѣстѣ по Турецки. Изъ этого бессознательнаго желанія, съ дальнѣйшимъ развитіемъ понятій, могла выработаться серьезная мысль объ основательномъ ознакомленіи съ языками и литературами востока; а Волковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые любятъ свое дѣло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по качествамъ ума и сердца, вполне способны обратить ребяческое любопытство даровитаго мальчика въ плодотворную любознательность; и вотъ, выдержавъ пріемный экзаменъ въ Петербургскій университетъ, Савельевъ сталъ ходить къ Волкову и на лекціи Арабскаго языка, которыя послѣдній читалъ тамъ въ качествѣ адъюнкта профессора Сенковскаго по кафедрѣ Арабской словесности. Каково бы ни было впрочемъ участіе Волкова въ направленіи Савельева на путь ориентализма, Савельевъ всю жизнь свою сохранялъ благодарное воспоминаніе объ этомъ наставникѣ своемъ, а по смерти его печатно отдалъ справедливость этому Русскому человѣку

теплаго сердца и благороднаго характера, которому природа дала все, чтобы выдвинуть его изъ среды посредственностей, и который однако угасъ, не произведя ничего замѣчательнаго: вмѣстѣ со множествомъ подобныхъ ему даровитыхъ Русскихъ людей, Волковъ имѣлъ общій имъ недостатокъ — слабость воли, недозволившую ему бороться энергически съ неважными служебными неприятностями, и осилить ихъ, вмѣсто того чтобы подъ гнетомъ ихъ упасть духомъ и сложить руки. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, который въ свое время и со мною, пишушимъ эти строки, радушно и безкорыстно дѣлился своими знаніями!

